

23. Дьяченко А. Г. Раскопки селища Занки // АО 1986 г. — М., 1988.
24. Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л., 1983.
25. Попович М. В. Мировоззрение древних славян. — К., 1985.
26. Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК. — 1957. — Вып. 68.
27. Русанов И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. — М., 1993.
28. Opfer // Meyers Großes Konversations Lexikon. — Leipzig–Wien, 1908. — Bd. 15.
29. Bertholet A. Der Sinn des Kultischen Opfers // Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin, 1942.

Резюме

В статті мова йде про сакральні комплекси тимчасового користування на пенківських поселеннях: Суха Гомольша, Нижній Бішкін 1, 2, Зубовка, Занки. Вони репрезентовані похованнями собак, собак з черепахами, черепах з частинами конів. Поява їх у мешканців пенківських поселень пояснюється розвитком місцевих культів та впливом кочівників, у тому числі носіїв салтівської культури.

Summary

The article deals with the religions monuments of temporary use in the Penkiv settlements: Sykha Gomolsha, Nyzhny Dyshkin 1, 2, Zubovra, Zanki. They are represented with the burials of dogs, dogs with turtles and part of horses. The appearance of them among the settles of Penkiv settlements is explained by the development of local cults and the influence of nomads, among them the bearers of Saltov culture.

О. А. Ручинская

ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ГРАЖДАН АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Социокультурная история Херсонеса в своей совокупности пока еще изучена недостаточно, хотя уже накопился достаточный материал, необходимый для ее обобщения. В этой связи важнейшими вопросами, оказавшими воздействие на всю общественную систему Херсонеса и, в свою очередь, отражавшими закономерности происходивших в ней процессов, являются вопросы традиционного мировоззрения.

В научной литературе довольно широко известно высказывание А. Ф. Лосева о том, что древние греки — это люди, которые «пятятся к бу-

дущему», движутся навстречу ему «спиной вперед». Следовательно, подчеркивается тот факт, что в эллинском мировоззрении господствовала установка на старину. Хотя данная точка зрения преимущественно относится к архаическому и классическому периодам, но в отношении периферийного общества, каким было общество Херсонеса, эта тенденция, видимо, была характерна на протяжении всей античной эпохи. К сожалению, фрагментарность источниковой базы не всегда позволяет представить этот процесс во всей полноте. Но даже отдельные, порой отрывочные сведения, содержащиеся в нарративных, эпиграфических и археологических источниках, — это реальная составная часть общего контекста социальной истории Херсонеса и социальной психологии его населения.

Сведения нарративных и эпиграфических источников позволяют говорить о том, что в мировоззрении жителей античного Херсонеса довольно значительное место занимали патриархализм и традиционализм социальной жизни. Основные традиционные общественные установки были перенесены в Херсонес первопоселенцами [1, с. 28; 2, р. 11]. В наибольшей степени это проявилось в сфере культа, и прежде всего в культе героев.

Своеобразным «сакральным колонистом» Северного Причерноморья, согласно мифологической традиции, переданной Геродотом, являлся Геракл [Herod. IV, 8–10]. Культ данного героя широко почитался северо-понтскими греками, но особенно жителями Херсонеса, куда этот культ был перенесен из метрополии — Гераклеи Понтийской [3, S. 215; 4, с. 38–52; 5, с. 55]. В культе Геракла жители Херсонеса видели тот идеал, на который следует ориентироваться при совершении собственных поступков, сопоставляя их с поступками, ранее совершенными другими. Не случайно среди имен херсонесских граждан достаточно часто встречаются производные от имени Геракл — Гераклий [6, № 352, 364, 474, 475, 480, 690; 7, № 34; 8, № 152], Гераклид [6, № 342–344, 362, 363, 435, 460, 473; 7, № 19, 43; 8, № 111, 112], Гераклеон [6, № 544] и другие. Почитание культа Геракла в Херсонесе сопровождалось жертвоприношениями и агонами, по-видимому, гимнастическими [7, с. 60–61; 9, с. 175; 10, с. 81]. Геракл, часто вместе с Гермесом, почитался как покровитель палестр и гимнасиев [11, S. 394]. Этот факт подчеркивает и гимн II в. н. э., посвященный Гермесу херсонесским гимнасиархом [6, № 436]. Таким образом, ориентируясь на поведение первочеловека, «культурного героя», в херсонесском обществе формировалось и длительное время существовало определенное традиционное поведение. Оно поддерживалось прежде всего за счет проведения определенных ритуалов, в которых принимала участие вся гражданская община. Это обязательные общественные жертвоприношения, которые, по мнению В. В. Латышева, могли регламентироваться сакральным законом [12, с. 37, № 12]. Кстати, аналогичный закон первых веков нашей эры регламентировал культовые церемонии в дорийском Каллатисе [13, с. 95]. Строго соблюдались херсонеситами и многочисленные очистительные церемонии, в которых могли использоваться: ключевая или морская вода [14,

S.137], наливавшаяся в большие сосуды — лутерии [15, л. 6]; катартические свойства отдельных растений (бальзам, ладан, нард) [9, с. 76]. Наконец, соблюдению эталона и первообразу поведения среди жителей Херсонеса способствовали различные агоны: гимнастические, гиппические, мусические, засвидетельствованные эпиграфическими материалами, которые охватывают практически весь период существования полиса [9, с. 175–184; 10, с. 81–84].

Традиционная система религиозных предписаний проявляется и в сохранении херсонеситами вплоть до III в. до н. э. архаической традиции принесения даров в важнейшие греческие святилища и, в частности, в Делосское [16, с. 231–312, № 25–31]. В данной традиции, видимо, отразилась идея поддержания национального и этнического единства, единства культа.

Приверженность к древним сакральным традициям, восходящим к Гомеру, прослеживается в Херсонесе и в обычае установки стел с посвящением божеству по сновидению. Таким, например, является посвящение богине Деве от Дилия, сына Аполлы, датируемое II в. до н. э. [6, № 411]. Подобное, освященное традицией, ритуальное поведение, по-видимому, являлось гарантией выживания гражданского коллектива. При этом разнообразные религиозные предписания подчиняли интересы отдельного человека интересам гражданской общины в целом, а фактически — сакральной общины, в основе которой лежала община первопоселенцев. Моральный закон общества, равнозначный силе традиции, сливался с ритуалом и, соответственно, с патриархальными представлениями первопоселенцев.

Существование традиционных установок в религиозной сфере не означало полного отказа от новых культурных влияний, но подчеркивало стойкость патриархальных представлений, что особенно ярко проявляется в первые века нашей эры в условиях римской культурной экспансии. В частности, в этот период все еще сохраняется древняя традиция сопоставления различных событий в частной и общественной жизни с пророчествами оракулов. Так, изречение Пифии содержится в тексте надгробной эпитафии II в. н. э., посвященной херсонеситке Илифии, жене Инанфа [6, № 519]. Следует упомянуть также, что известные агонистические празднества в честь Ахилла в Ольвии были возобновлены в I в. до н. э. тоже по совету Дельфийского оракула [6, № 34]. Кроме того, сам Херсонес, как и Гераклея Понтийская, считался основанным по предсказанию Дельфийского оракула [8, с. 82–83]. В греческом мире было общепринятой традицией при основании новых полисов обращаться к дельфийскому оракулу [17, р. 161–173].

Археологические материалы первых веков н. э. позволяют говорить о сохранении древних сакральных традиций и в системе погребения. На это указывает, в частности, традиция сохранения известковых стел с мраморными вставками для эпитафий, что, видимо, наиболее характерно

было средним и низшим слоям гражданского населения, поскольку высшие слои были более тесно связаны с новыми римскими традициями [7, с. 181]. Кроме того, на погребальном обряде первых веков нашей эры прослеживается возрождение в мировоззрении граждан Херсонеса древних верований, анимистических воззрений, фетишизма, боязни злых духов. На это указывает наличие разнообразных амулетов и апотропеев в составе погребального инвентаря [18, с. 101–108; 9, с. 163–165]. Известны и надгробные эпитафии аналогичного содержания. В частности, в надписи III в. н. э. содержится попытка защититься «от всяческого колдовства и дурного глаза» (ΑΠΟ ΒΑΣΚΑΝΕΙΗΣ) [7, № 58]. Многие исследователи совершенно справедливо видят в этой тенденции тесную связь с тем кризисом, который переживала античная религия в рассматриваемую эпоху. В то же время здесь, видимо, следует видеть и попытку поддержания традиционной идеологии, противостоящей широкой волне римского влияния, что выразилось в непроизвольном стремлении обратиться к ее истокам.

Достаточно глубоко традиционные установки закрепились в общественной жизни жителей античного Херсонеса. Прежде всего следует отметить существование в Херсонесе в классический и эллинистический периоды трех возрастных групп гражданского населения. Среди них В. Н. Даниленко, Э. И. Соломоник выделяют: юношей, взрослых граждан и пожилых [19, с. 41; 8, с. 258–259]. Подобная система возрастных групп восходит еще к эпохе общинного самоуправления у дорийцев [20, с. 31]. Упоминаются эти группы и в поэзии Гомера как своеобразные клубы и органы государственной власти [21, с. 37–49]. В целом же они отражают архаические представления греков. Кроме того, все граждане Херсонеса были, по-видимому, распределены по трем традиционным дорийским филам, аналогично Гераклею и Мегарам. На это впервые обратил внимание В. И. Кадеев [22], впоследствии этим вопросом специально занимались С. Ю. Сапрыкин и Ю. Г. Виноградов, которые установили, что данное подразделение существовало в Херсонесе как в позднелатинский и эллинистический периоды, так и в первые века н.э. [23, с. 61–66]. Поэтому вполне объяснимым выглядит сохранение в почетных декретах I–II вв. н. э. ориентира на «заветы отцов». В надписях отмечается приверженность «любящих сынов» (херсонеситов) к обычаям «отцов гераклеотов» и благосклонность, «верховенство и старшинство» последних [6, № 357, 359, 362]. Поддержанию этих древних традиций способствовал и институт проксении. Причем особенно много проксений, в том числе и в первые века нашей эры, херсонеситы давали гражданам своей метрополии Гераклею. Подчас речь шла о предоставлении равных прав (исополитии) в Херсонесе и Гераклею, что было сделано, например, в 129–130 гг. н. э. для гераклеота Трасимеда [6, № 357].

Сохранению традиционных устоев способствовало существование в Херсонесе института «эвергетов» (благотетелей) и наличие определен-

ной системы литургий — почетных повинностей имущих граждан [24, с. 155–160]. В основе данного явления лежала идея поощрения и порицания, формировавшая общественное мнение в греческом полисе [Aristot. Eth. Nic. 1109 b 30sqq.]. Именно сила обычая и общественное мнение вынуждали выполнять литургические обязанности [26, р. 169; 27, р. 150]. По словам Фукидида, в таком обществе любой гражданин, даже старик, предпочитал честь богатству [Thuc. II, 44, 4]. В то же время, определения «лучших людей» города формировали «гражданское право», и на его основе выходили постановления «народа города». Авторитет сведущих людей, первейших и лучших людей города, сохраняется, судя по почетным декретам, на протяжении всей истории существования Херсонеса [24, с. 155–160; 25, с. 258–266]. На это же нам указывает и легенда о Гикий, упоминаемая Константином Багрянородным. Узнав о кознях мужа, готовившего заговор против херсонесской общины, Гикий хочет открыть тайну властям и просит родственников собрать «первенствующих и благородных граждан (города)...» (ΠΡΩΤΕΥΟΝΤΑΣ ΚΑΙ ΕΥΓΕΝΕΙΣ ΤΗΣ ΠΟΛΕΩΣ) [Const. Porphyrog. De adm. Imp. 53, 356–357]. Кроме того, прославление граждан, присвоение им почетных титулов [6, № 423, 425; 7, № 13; 22, с. 40, прим. 29] и «вечного провозглашения» [6, № 425], награждение венками [6, № 344, 352, 355, 423] и установка статуй [6, № 418, 423, 424, 427], а также назидательные формулировки в почетных декретах, например, «...дабы и народ (явился достойным), мужей, стремящихся к достижению большего блага, да постановит совет и народ...» [6, № 351], формировали традиционное поведение, имевшее для херсонеситов моральную силу.

Наконец, на определенное стремление граждан Херсонеса поддерживать культурные традиции предков указывает факт публичного прочтения историком Сириском своего сочинения, упомянутый в декрете III–II вв. до н. э. [6, № 344]. Традиция слухового восприятия литературных произведений сохранялась в Греции на протяжении столетий, даже при наличии достаточно развитой письменности. Своими корнями она восходит к поэмам Гомера, которые, будучи впервые записаны при Писистрате, многими поколениями до того передавались из уст в уста [28, с. 9]. Эта тенденция, видимо, получила достаточно широкое распространение и в Северном Причерноморье. Следует заметить, что в Борисфенитской речи Диона Хрисостома, произнесенной им в I в. н. э., отмечается приверженность жителей Ольвии к старине и традициям предков, любовь к философским знаниям, говорится о существовании в Ольвии поэтов, не забывших традиции Гомера, и о публичном чтении ими своих произведений, особенно перед сражениями, чтобы поднять дух сограждан [Dio Chrys. Orat. XXXVI, 1–18]. Собственно в Херсонесе глубокое знание древней мифологии местными поэтами показывает текст гимна II в. н. э. в честь Гермеса [6, № 436]. В пышных метрических эпитафиях II–III вв. н. э. используются поэтические слова и выражения, заимствованные из трагедий Софокла и Еврипида [8, № 185], древних элегий

и эпоса [8, № 186]. Кроме того, в языке многих официальных декретов Херсонеса, относящихся к первым векам нашей эры, сохраняются и достаточно широко используются формы дорийского диалекта [8, № 112, 116, 130; 6, № 425], что тоже является свидетельством сохранения древних архаических традиций.

Таким образом, в мировоззрении граждан античного Херсонеса довольно значительное место занимали патриархализм и традиционализм социальной и культурной жизни, определенная нормативность поведения и установка на старину. Традиционное мировоззрение формировало в полисе особые социальные связи, содействовавшие сплочению полисного коллектива, порождая у каждого «участника» некое ощущение ответственности за «общее дело». Длительное существование древних традиционных установок в мировоззрении граждан Херсонеса, в условиях постоянного варварского окружения и усилившегося в первые века нашей эры влияния Рима, способствовало сохранению этнокультурного единства и противостояло всеобъемлющему проникновению римской идеологии.

Литература

1. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. — М.: Наука, 1986.
2. Graham A. I. Colony and Mother City in Ancient Greece. — Manchester, 1964.
3. Hanell K. Megarishe Studien. — Lund, 1934.
4. Сапрыкин С. Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. — 1978. — № 1.
5. Столба В. Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. — 1989. — № 4.
6. Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. — Vol. 1. — Ed. 2. — Petropoli, 1916.
7. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — К.: Наук. думка, 1964.
8. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — К.: Наук. думка, 1973.
9. Кадеев В. И. Херсонес Таврический: быт и культура (I–III вв. н. э.). — Харьков: Бизнес-информ, 1996.
10. Ручинская О. А. Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья // Древности. — Харьков, 1994.
11. Nilsson M. P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der Attischen. — Leipzig: Teubner, 1906.
12. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.) // ИАК. — 1907. — Вып. 23.
13. Данов Х. М. Западният бряг на Черно море в древността. — София: Унив. печатница, 1947.

14. *Burkert W.* Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. — Stuttgart–Berlin–Köln, 1977.
15. *Сорочан С. Б., Дьячков С. В. и др.* Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «Центрального квартала» в портовом районе в 1989 г. // Архив НЗХТ. — Д. 2903.
16. *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. — 1939. — № 3.
17. *Forrest W.* Colonization and the Rise of Delphi // Histoire. — 1957. — № 6.
18. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса I–IV веков н. э. — Киев: Наук. думка, 1982.
19. *Даниленко В. Н.* Надгробные стелы // СХМ. — Вып. IV. — 1969.
20. *Андреев Ю. В.* Спартанские всадники // ВДИ. — 1969. — № 4.
21. *Андреев Ю. В.* Музыкальные союзы в поэмах Гомера // ВДИ. — 1964. — № 4.
22. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первые века н. э. — Харьков: Вища школа, 1981.
23. *Виноградов Ю. Г.* Дорийские филы в Херсонесе Таврическом // ВДИ. — 1993. — № 4.
24. *Кадеев В. И.* Правовое и социальное положение граждан античного Херсонеса // Проблемы античной культуры. — М., 1986.
25. *Кадеев В. И.* Правовое и социальное положение граждан античного Херсонеса // Кадеев В. И. История и археология Причерноморья: статьи разных лет. — Харьков: Бизнес-информ, 2000.
26. *Zimmern A. E.* The Greek Commonwealth: Politics and Economics in fifth-century Athens. — Oxford: Clarendon Press, 1911.
27. *Finley M. I.* The Ancient Economy. — Berkeley–Los Angeles, 1973.
28. *Утченко С. Л.* О некоторых особенностях античной культуры // ВДИ. — 1977. — № 1.

Резюме

Стаття, яка пропонується до вашої уваги, являє собою спробу узагальнення цілого ряду джерел та матеріалів з соціальної історії античного Херсонеса. Вони дозволяють говорити про наявність і тривале існування традиційних установлень у світосприйнятті громадян та про їх вплив на всю суспільну систему цього грецького міста. Природно, ці процеси мали різну інтенсивність в окремі періоди історії Херсонеса. Але їх наявність та значення, безперечно, зіграли велику роль у збереженні етнокультурної єдності даного полісу і сприяли протистоянню іноплемінним ідеологічним впливам.

Summary

The paper, tendered to your notice, represents attempt of generalizing of a lot of sources and materials on a social history of the ancient Chersones. They

allow to speaking about availability and long-lived existence of the traditional views in the world outlook of the citizens and about influencing them at all public system of this Greek city. Naturally, these processes had different intensity in separate periods of a history of the Chersones. But their availability and value, undoubtedly, has played a large importance in the conservation of the ethno-social unity of this policy and promoted a withstanding to the barbarous or another ideological influences.

И. П. Сергеев

РИМ И ПАЛЬМИРА в III веке н. э.

К началу III века н. э. Пальмира была городом на восточных окраинах римских владений, который не играл какой-либо заметной роли в политической жизни огромной Римской империи. Но уже в середине этого столетия с именем Пальмиры были связаны события, которые во многом определяли политическую ситуацию как на восточных границах римского государства, так и во всей империи. Этими обстоятельствами обусловлен большой интерес современных историков к вопросу об отношениях между Пальмирой и правителями Римской империи в период кризиса III века. Однако, на наш взгляд, не все аспекты проблемы истории взаимоотношений между Римом и Пальмирой в рассматриваемый период освещаются в научной литературе в верном свете. В связи с этим и возникает необходимость еще раз исследовать данную проблему.

Пальмира была, по восточным меркам, не очень древним городом и не относилась к числу крупнейших городских центров римского Востока. Основана она была около 1000 г. до н. э. [1, р. 22], в состав римских владений вошла при императоре Тиберии [2, S. 102]. До правления Адриана Пальмира оставалась рядовым провинциальным городом, относилась к провинции Сирии, но образовывала в ней отдельных округ и выплачивала римлянам установленную сумму налогов [3, S. 45]. Адриан возвысил город до ранга свободной общины (*civitas libera*), а Септимий Север даровал ему права колонии [2, S. 102]. После этого в Пальмире установилась соответствующая структура органов самоуправления — функционировали совет и народное собрание [3, S. 45].

Находясь на восточной окраине римских владений и на важном караванном торговом пути, Пальмира являлась центром торговли римлян с восточными соседями империи и Индией. Через нее из Римской империи в страны Востока и в обратном направлении в большом количестве перевозились рабы, пшеница, парфюмерия, пурпурные ткани, оливковое масло, сушеные фрукты, бронзовые статуэтки и другие товары [4, S. 668]. В военном отношении Пальмира была одним из опорных пунк-